

В городе Бремене весело жить —
Кружкой стучать, подпевать и смеяться
Шуткам чужим, все, что было, забыть
И никогда и ни с кем не прощаться.

В детских ладонях согретая медь,
Долгие праздники, краткие будни;
Все горожане сбегутся смотреть,
Как ты заправски играешь на лютне.

В длинной каморке, под пенью в трубе
Мы заживем, постепенно старея;
Осень придет. Я привыкну к тебе —
Я научусь привыкать поскорее.

А в декабре мы с тобою уйдем
В праздничный лес, запорошенный снегом,
И набредем на разбойничий дом,
Чтобы разжиться вином и ночлегом.

Все холодней небеса поутру.
Встанешь, неяркую лампу засветишь;
Ты не заметишь, когда я умру
(Я ведь умру — только ты не заметишь).

В сторону -от-

Fiesta

Памяти Эрнеста Хемингуэя

Ветер листает газеты в чугунных кофейнях.
Так отрешенно грустен смотритель отеля.

В винных подвалах вязкий настоян сумрак.
Мальчик, время фиесты идет на убыль.

Все это — с холста исчезающий слепок лучистый:
Багровые горы — в зрачок импрессиониста,

Быстрый вдох между явью и явью — в плен сегидильи,
Обернешься назад — и сердце пробьет навывлет.

Освобожденные от арен и пик матадоров,
Души миурских быков бросаются в море,

А над пеной кружек в споре взлетают монеты
Об искусстве корриды андалузского лета.

Ты же — с каждым глотком тоски проникаешь в лоно
Обольщений — вихря несложных вероник

Для зверей-чувств, крадущихся незаметно,
Этот цвет — ярче любой мулеты!

И на висках проступает влага. Искус
Не променять ритуал бандерилий на выстрел;

Кастаньетной дробью тонко и нервно
Бьется пульс душистой испанской таверны.

Время забыло нас в карнавальном чаде;
Душа и тело существуют с собой в разладе.

Как средь зыбких холмов реки, скрытые дымом,
Мои мысли сбивчивы, абсолютно неуловимы...

Венеция

Венеция шахматной головоломкой
Петляет в своих же проточных часах.
С канатов и крыш расцепившейся кромки
Срывается путника взгляд впопыхах.
А ночь — в шелест платья вцепившийся овод,
В ком луновлечение пьют маски стекла
На лицах домов, и как будто есть повод
Кому-то инкогнито слыть на балах.
Темна и легка, словно плащ Казановы,
Венеция души напудрила в прах.
В ней реки бродили духами и ядом
И сыпались с башен, канатов, бойниц,
Разлитых в бокал заблудившихся взглядов
Полны тайники крематорских страниц.
Никто из игравших ходы не запомнит.
Чей крик зацепился у пропасти рта?
Последняя маска в созвездии Овна,
И ждет гондольеров ее арестант.
Что делает здесь твой зеркальный затворник
Под шаткой дугой подвесного моста?

Танец Кармен

Danza — испанское слово,
Слово цвета матэ.
На берегах Кордовы
Знают об этом все.
Вдета (взята) в оплечье ночи
Бычая голова.
Наши слова короче
Нас, и только за два

Века конкистадоров,
Дон Кихотов и дам
Спасенное слово "свобода" —
Несообнимный дар.

Глаза под сеткой москитной
Готовы упасть к ногам,
Не выдан кровью транскрипций,
Взгляд не взят и не дан.

Герой снимает повязку,
Герой подходит к огню —
Бесшумно из ночи вязкой
Охотник попал в западню.

Ранка в оливковой коже
Длиннее линий судьбы.
Жизнь наступит позже,
Из ножен выхватив быль.

Танец сердца втекает
В грустные русла рек.
Что это, смех отчаяния,
Или отчаяние смеха?

Мы — гладиаторы времени,
Духов сценических рать.
Нежно-нежно убей меня,
Чего нам еще желать?..

Notre Dame

Лед вечности славы гончая свора
остроконечные темные своды
кошмаров копоть ночных разговоров
в покинутом кем-то городе
так дописывают роман в преисподней
в петли улиц влито гулкое "amen"
колокольный стон небо выбелил
оттиск времени — иероглиф камня
мистерия зодчества на фоне гибели
это глянec, это все, что останется

погребено в омут пустых листов
уже кровоточит строка и смолкает танец
ночь в янтарный сосуд разливает кровь
"мастер, время по площади ходит с железной тростью
натягивая минуты под каждым ее ребром"
мой исповедник с темною тенью в голосе
аутодафе последний танец с огнем.

Звезда

Вижу в глазах я твоих удивленье —
Вечный вопрос, бесконечный ответ.
Боже, откуда такое стремленье
Сущность постигнуть того, чего нет?!
Кто я? Вопрос удивительно странный.
Знаешь, мне часто его задают.
Только услышав ответ многогранный,
Все от него неизбежно бегут.
Если душа твоя вольна к раздумьям,
Если готов мою суть ты принять,
Если сильна твоя воля, тогда лишь
Сможешь услышать меня и понять.
Кто я? Вопрос этот прост и так сложен.
Сколько уж раз я слышала его,
Только всегда не готова с ответом
Суть объяснить существа своего.
Я тот луч света, та яркая вспышка,
Что озаряет дорогу в пути,
Я та тропинка, ведущая к счастью,
Раз лишь дано по которой пройти.
Я тот цветок, что своим ароматом
Сводит с ума и безумно пьянит,
Я есть та птица, чья сладкая песня
Звездной капелью на сердце звенит.
Я тот огонь, что сжигает безумца,
Страстью пылающего к небесам,
Дикая лань, за которой охотник
Рыщет, скитаясь всю жизнь по лесам.
Тот сладкий плод, чье вкушенье способно
Дать лишь на миг озаренье и свет,
Я та жемчужина в море глубинном,
В мире которой прекраснее нет.
Я та мечта, что безудержно мучит,
Сбыться которой никак не дано,
Я то желание, что дышит отчаяньем,